

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС» (Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)

Доклады

УДК 33

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.8995

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК МЕХАНИЗМ «МЯГКОЙ СИЛЫ» СТРАНЫ

Трунова Ольга Дмитриевна,

Уральский федеральный университет,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: trunovaolgamitrievna@gmail.com

Аннотация

В данной работе рассматривается взаимодействие между государственным сектором и предпринимательскими структурами в форме государственно-частного партнерства (ГЧП) в качестве механизма реализации «мягкой силы» государства. В качестве основания для отнесения ГЧП к одному из элементов «мягкой силы» приведен ряд критериев мирового рейтинга «The Soft Power Report 30», составленного в 2017 г. консалтинговым агентством «Портленд», где в новой версии суб-индексов для анализа и сравнения выделены параметры, связанные со сферой государственного управления, а также экономики и предпринимательства. На примере Великобритании вкратце проиллюстрировано развитие ГЧП как приоритетного инструмента, основы новой модели управления и экономической политики страны, ставшей источником для формирования «лучшего опыта» с точки зрения инструмента социально-экономического и территориального развития, позднее заимствованного другими странами.

В качестве дополнительных направлений для исследования автор выделяет возможность изучения государственно-частного партнерства, в частности, как механизма реализации «мягкой силы», в том числе на внутригосударственном уровне.

Ключевые понятия:

государственно-частное партнерство, ГЧП, мягкая сила, социально-экономическое развитие.

В последнее время теория «мягкой силы», как одна из теорий власти, приобрела особую популярность. Фундаментом для данной концепции служит представление о двух ключевых типах власти: жесткой (*hard power*) и гибкой (*soft power*). Первая – «жесткая сила» – связывается с внешним принуждением и трактуется в качестве так называемой власти внешних сил, которые подчиняют себе человеческую волю [5]. Базой для второго понятия – «мягкой силы» – служит способность формировать предпочтения других. Иначе говоря, ресурсы «мягкой силы» связаны со способностью привлекать союзников, в то время как ресурсы «жесткой силы», как правило, ассоциируются с более радикальными мерами, такими как принуждающее поведение, реализованное посредством введения санкций, подкупа, применения силы.

В качестве ресурсов «мягкой силы» Дж. Най, как один из основоположников данной концепции, выделяет привлекательность культуры и идеологии, международные институты, а позднее – культуру (там, где она является привлекательной для других), политические ценности, внешнюю политику [2].

Одним из важнейших проявлений «мягкой силы», по мнению Е.Г. Дьяковой, представляется так называемая «административная мода». Это подтверждается рейтингом стран на основании критерия развития «мягкой силы», составленным консалтинговым агентством «Портленд» [8]. В данный список, как правило, включаются 30 стран, отбор которых осуществляется на основании анализа ряда параметров. В состав критериев в 2017 г. был включен так называемый суб-индекс «Правительство» (*Government*) (рисунок 1), подразумевающий измерение политической ценности, общественных институтов, а также результаты (эффекты) ведущей государственной политики. Среди показателей данного параметра – человеческое развитие и эффективность государственной политики, анализ которых показывает уровень привлекательности модели государственного управления и ее положительных результатов для населения.

Процесс заимствования чужих управленческих моделей в глобальном масштабе характеризуется особенностями, присущими «мягкой силе», так как формирование коллективной веры происходит без какого-либо радикального принуждения, а на основе добровольного взаимодействия с экспертами и осознания соответствующей привлекательности заимствованных элементов.

В качестве примера можно привести *New Public Management*. Его появление связывают с административными реформами, развернувшимися в 80–90-е гг. XX в. в ряде таких стран, как Великобритания, Новая Зеландия,

Рисунок 1 – Индексы развития «мягкой силы» (на основе [8])

Австралия, США, Канада. Ключевой посыл нового государственного менеджмента заключается в моделировании рыночных процессов внутри государственного сектора и заимствовании технологий управления, разработанных для частных компаний. В данном случае речь идет о сокращении масштабов и ресурсов государственного управления [3], в частности, в рамках делегирования частному сектору ряда функций по производству и предоставлению общественных услуг, традиционно осуществляемых государством.

Одной из форм такого взаимодействия является государственно-частное партнерство (ГЧП), представляющее вид кооперации между государственными структурами и предпринимательским сектором. Данная модель может быть отнесена к данной концепции, а значит, фактически, служить примером, иллюстрирующим действие «мягкой силы».

Более того, ГЧП может быть рассмотрено также в качестве элемента, стоящего на стыке между суб-индексами «Правительство», иллюстрирующего модель государственной политики, и суб-индекса «Организации» (Предприятия), который относится к сфере экономики.

По словам составителей рейтинга, может показаться, что критерий, связанный с экономикой, в большей степени используется в рамках концепции «жесткой силы», чем «мягкой». Однако анализ данного суб-индекса нацелен не на измерение экономической мощи или ВВП, но связан с оценкой привлекательности государственной экономической модели в условиях конкурентоспособности, способности к внедрению инноваций и продвижению предпринимательства и коммерции.

В последние десятилетия ГЧП приобрело популярность в развитых и развивающихся странах [6], при этом традиционно примером «лучшей практики» является Великобритания, где первые примеры государственно-частного партнерства датируются еще XIX в. [7]. В данном государстве данная концепция была выбрана в качестве главного инструмента для территориального и социально-экономического развития в конце 70-х годов XX века в период серьезных кризисных явлений, охвативших не только Великобританию, но и многие страны мира. Соответствующая экономически тяжелая ситуация отразилась на всех сторонах хозяйства и вызвала стагнацию в развитии крупных промышленных городов.

В рамках новой модели управления были выделены так называемые «предпринимательские зоны», критериями для выбора которых стали высокий уровень безработицы, низкие доходы и деградирующая социальная, коммунальная и производственная инфраструктура. Иначе говоря, определенная совокупность характеристик проживающего на конкретной территории населения и условий его проживания [4].

В «предпринимательских зонах», представляющих ограниченные городские территории, на которых в течение длительного времени наблюдался значительный спад экономической активности и ухудшение жизни населения, были введены специальные налоговые режимы и другие условия для привлечения частных инвестиций.

Данная программа продемонстрировала положительные результаты в улучшении социально-экономического положения не только на уровне отдельных взятых регионов, но и в целом на уровне страны. Позднее соответствующий опыт был заимствован другими странами, которые начали использовать механизм ГЧП на своей территории. Тем не менее, Великобритания остается лидером по уровню развития ГЧП в мире и рассматривается в качестве бенчмарка для других государств.

При этом лидерство демонстрируется и в результатах рейтинга «The Soft Power Report 30», составленного агентством «Портленд» во главе с Дж. МакКлори, где в 2015 г. Великобритания занимала первые позиции в соответствующем списке стран по развитию «мягкой силы», в 2016 г. и в 2017 г. уступив первенство Германии и Франции, соответственно.

Использование механизма государственно-частного партнерства может рассматриваться в качестве направления государственной экономической политики и развития предпринимательства, а также модели государственного управления, что фактически представляет фундамент реализации «мягкой силы», согласно обновленным критериям составления рейтинга мирового уровня.

При этом стоит добавить, что при анализе государственно-частного партнерства, как элемента «мягкой силы» государства, следует учитывать два важных аспекта, характерных для «soft power»: во-первых, «мягкую силу» можно рассматривать в качестве «мягкого» соревнования при формировании положительного имиджа на международной арене через использование механизмов гуманитарного, культурного, экономического планов, а во-вторых, данная концепция функционирует не только в международном пространстве, но и внутри страны [2].

Специалист Ковалева делает вывод, что несмотря на отнесение к области теории международных отношений, «мягкую силу» можно применять и во внутренней политике.

В этом контексте государственно-частное партнерство, в частности как инструмент «soft power», может изучаться на национальном, региональном и муниципальном уровнях. Это расширяет сферу исследования данного понятия в разнообразных направлениях, т. к. формирует перспективные области для изучения ГЧП как механизма «мягкой силы» в разрезе регионального развития и анализа конкуренции внутри государства. Особенно когда наблюдается существенная дифференциация в развитии ГЧП среди регионов, и ряд территорий заимствует «лучшие практики» для внедрения в своем субъекте. В частности, в России до принятия единого федерального закона ранее наблюдалась разрозненность в формировании институциональной среды и опыте реализации проектов на уровне субъекта, поэтому в качестве бенчмарка принимался г. Санкт-Петербург, опыт которого считался «лучшей практикой» для других регионов.

Таким образом, государственно-частное партнерство может рассматриваться и изучаться не только в качестве отдельной дефиниции, но и как элемент и механизм реализации «мягкой силы» на мировом уровне, а также в разрезе субъектов и муниципальных образований внутри одного государства.

1. Дьякова Е.Г. Soft power как проявление «Административной моды» (на примере формирования электронного правительства в Китае // Дискурс-Пи. – 2014. – № 4 (17). – С. 45–49.

2. Ковалева Д.М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – Т. 13. – № 1. С. 118–132.

3. Красильников Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез New public management и Good governance // Ars Administrandi. – 2014. – № 2. С. 45–62.

4. Мингалева Ж.А. Особенности применения формы государственно-частного партнерства для развития предпринимательства и решения социальных проблем городов // Интернет-журнал Науковедение. – 2014. – № 5 (24). С. 179–190.

5. Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 118–121.

6. Deng Z., Song S., Chen Y. Private participation in infrastructure project and its impact on the project cost // *China Economic Review*. – 2016. – Т. 39. – С. 63–76.
7. Hodge G.A., Greve C. Public–private partnerships: an international performance review // *Public administration review*. – 2007. – Т. 67. – № 3. – С. 545–558.
8. The Soft Power 30 Report. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (дата обращения: 12.09.2017).

References

1. D'yakova E.G. Soft power kak proyavlenie «Administrativnoj mody» (na primere formirovaniya e'lektronnoho pravitel'stva v Kitae // *Diskurs-Pi*. – 2014. – № 4 (17). – С. 45–49.
2. Kovaleva D.M. Koncept soft power kak predmet izucheniya sovremennoj politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskix strategij // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. – 2013. – Т. 13. – № 1. С. 118–132.
3. Krasil'nikov D.G., Svinceva O.V., Troickaya E.A. Sovremennye zapadnye upravlencheskie modeli: sintez New public management i Good governance // *Ars Administrandi*. – 2014. – № 2. С. 45–62.
4. Mingaleva Zh.A. Osobennosti primeneniya formy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva dlya razvitiya predprinimatel'stva i resheniya social'nykh problem gorodov // *Internet-zhurnal Naukovedenie*. – 2014. – № 5 (24). С. 179–190.
5. Rusakova O.F. Diskurs soft power vo vneshnej politike // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. – 2012. – № 2. – С. 118–121.
6. Deng Z., Song S., Chen Y. Private participation in infrastructure project and its impact on the project cost // *China Economic Review*. – 2016. – Т. 39. – С. 63–76.
7. Hodge G.A., Greve C. Public–private partnerships: an international performance review // *Public administration review*. – 2007. – Т. 67. – № 3. – С. 545–558.
8. The Soft Power 30 Report. [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (data obrashheniya: 12.09.2017).

UDC 33

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.8995

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS AS A MECHANISM OF A COUNTRY "SOFT POWER"

Trunova Olga Dmitrievna,

Ural Federal University,
Postgraduate Student,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: trunovaolgadmitrievna@gmail.com

Annotation

The paper is considering interaction of public sector and entrepreneurship through the public-private partnerships (PPPs) form as a mechanism of country "soft power". The main base for analysis PPPs as a "soft power" element might be several criteria of the world list "The Soft Power Report 30" in 2017, conducted by "Portland", the consulting agency. There are new sub-indexes for comparative analysis which are connected with Government and public administration and Entrepreneurship and economics. In this article Great Britain is illustrated as an example of PPPs development as a key instrument and base of new model of public management and economic policy in the country. This experience has become a best practice of using social, economic and territory infrastructure development mechanism which was shared to other countries. The author defined several opportunities for future research of PPPs, including PPPs as part of "soft power" both on external and internal levels.

Key concepts:

public-private partnerships, PPPs, soft power, social and economic development.